УДК 323.2

МАРКСОВО ПОНИМАНИЕ СУТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мошкин Сергей Вячеславович,
доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия.
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Аннотация
Статья посвящена установлению сущностного содержания политической деятельности. Опираясь на методологию К. Маркса, показавшего, что характер всякой человеческой деятельности определяется не столько её предметом (направленностью человеческого интереса), сколько средством, имеющимся в распоряжении людей для осуществления самой этой деятельности, автор показывает, что содержание политической деятельности определяется возможностью людей использовать политическую власть как единственно возможного средства для подобной деятельности. Такой возможностью обладают не все, а только ограниченный круг лиц, наделенных специальными властными полномочиями по принятию руководящих решений, обязательных для всех. Поэтому не всякую социальную активность в сфере политики следует считать политической деятельностью. В политических исследованиях, в процессе законотворчества и, особенно, в правоприменительной практике следует различать собственно политическую деятельность и деятельность гражданскую. Последняя, по мнению автора, опирается не на использование ресурсов власти, как в случае политической деятельности, а на реализацию людьми своих гражданских, в том числе политических, прав и свобод, установленных законом.

Ключевые слова:
К. Маркс, предмет и средство человеческой деятельности, политическая деятельность, гражданская деятельность, гражданские права и свободы.

В наш политизированный век трудно было себе представить, что вопрос о сути политической деятельности вновь станет актуальным. Казалось бы, всё ясно: существует политика как особая сфера общественных отношений, и все, кто в неё вовлечен, так или иначе занимаются политикой, то есть осуществляют политическую деятельность. Именно так полагают российские законодатели и правоохранительные органы, высказывая претензии к различным некоммерческим организациям по поводу их политической деятельности. Правда, саму дефиницию «политическая деятельность» законодатель не раскрыл, указав лишь на то, что некоммерческая организация признается участвующей в политической деятельности, если «она участвует в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях»[1]

Но так ли всё просто на самом деле? Любая ли включенность в политическую сферу или даже простое соприкосновение с ней означает занятие политической деятельностью? К примеру, вы смотрите по телевидению политическую программу. Занимаетесь ли вы в это время политикой? Очевидно, нет. А если обсуждаете просмотренное с домочадцами или коллегами по работе, публично высказывая свою политическую позицию? Видимо, тоже нет. Ну а если обращаетесь к депутатам с требованием принять какой-нибудь федеральный закон, то есть пытаетесь непосредственно повлиять на позицию государства, занимаетесь ли вы в этом случае политикой? И может ли ваша активность в данном случае по стремлению изменить политику государства в той или иной сфере жизни общества квалифицироваться как политическая деятельность?

Вопросы простые, их можно множить и множить. Однако ответы на них не так однозначны. Здравый смысл подсказывает: не всякую публичную активность по поводу политики можно признать собственно политической деятельностью. Но какую тогда? Где тот водораздел, где тот квалифицирующий признак, наличие или отсутствие которого даёт нам четкое понимание,

[1] Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (с последующими изменениями). Ст. 2, п. 6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/71_1.html#p83 (дата обращения: 03.06.2015).

является ли публичная активность субъекта политической деятельностью или не является таковой?

Попытку найти такой квалифицирующий признак предпринял, в частности, московский исследователь А. Борисенков [1]. Он, опираясь на методологию не очень популярного ныне К. Маркса, показал, что при анализе политической деятельности следует выделять собственно предмет такой деятельности (политическая сфера) и то особое средство (политическая власть), использование которого и делает возможным осуществление самой такой деятельности. Наличие или отсутствие в руках субъекта необходимого средства и является тем квалифицирующим признаком, по которому можно судить, является ли деятельность субъекта политической или нет.

Такой методологический подход представляется нам крайне продуктивным, последуем ему. Действительно, при анализе человеческой деятельности Маркс чётко разделял предмет деятельности, то есть то, на что направлен человеческий интерес, и то особое средство, которое использует человек в процессе этой деятельности. «Средство труда, – пишет Маркс, – есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействия на этот предмет» [2, с. 190]. Благодаря средству труда, человек получает саму возможность воздействовать на предмет труда, предмет своего интереса. При этом средство труда, по Марксу, является определяющим компонентом деятельности, благодаря которому она осуществляется, ведь «предмет, которым человек овладевает непосредственно, … есть не предмет труда, а средство труда» [2, с. 190]. Поэтому средство труда, по Марксу, составляет не только показатель особого качества деятельности, но и является необходимым условием и внутренним фактором её осуществления.

Итак, следуя Марксу, характер той или иной человеческой деятельности определяется не столько её предметом (направленностью интереса), сколько тем особым средством, которое используется при осуществлении данной деятельности. Именно средство определяет её особое качество и отличает от других видов деятельности.

Применительно к политической деятельности таким особым средством, благодаря которому она осуществляется и становится собственно политической, является политическая власть. Именно использование политической власти как особого средства отличает политическую деятельность от других видов социальной активности. Без распоряжения политической властью нет и не может быть политической деятельности как таковой. Верно и обратное утверждение: если деятельность осуществляется с использованием политической власти, то независимо от того, кто является ее субъектом, какими мотивами продиктована и каким целям подчинена его активность, такая деятельность становится определенно политической. Использование политической власти поэтому наполняет основное содержание политической деятельности и заключает в себе её главный критерий и квалифицирующий признак.

Такое понимание сути политической деятельности, как представляется, точно и непротиворечиво определяет круг субъектов политической деятельности. Очевидно, что это люди и институты, имеющие право и возможность распоряжаться политической властью, то есть принимать руководящие решения, обязательные к исполнению другими. Мера их компетенций определяется наличным объемом властных полномочий, той долей политической власти, которая находится в их руках, но в любом случае это – сравнительно небольшой круг людей, имеющих специальные полномочия принимать руководящие решения, используя политическую власть как средство своей социальной активности, своей политической деятельности.

Марксова методология подводит нас и к другому, на первый взгляд, парадоксальному выводу: политическая деятельность по своему содержанию не может быть направлена на завоевание политической власти. Хотя все мы со школьной скамьи уверены, что субъект политики всегда нацелен либо на завоевание власти, либо на её удержание, либо на использование. Тем не менее, такое понимание политической деятельности было уместным в XIX и отчасти в XX веке, когда незрелость демократических институтов и процедур не позволяли разделять, в том числе и самому Марксу, собственно политическую (властную) деятельность и гражданское участие в политике. Но об этом чуть позже. Сейчас же мы говорим, что если политическая деятельность есть одновременно использование политической власти, то зачем посредством этой деятельности завоёвывать то, что уже и так имеется, что уже заключено в содержании этой деятельности? Полити-

ческая деятельность вовсе не нацелена на завоевание политической власти и не может в себя включать подобные действия.

Как же быть, в таком случае, с деятельностью какой-либо партии, стремящейся завоевать депутатские места в парламенте? Или гражданскими активистами, вышедшими на политический митинг к дверям того же парламента? Ведь их деятельность носит явно политический характер?

Конечно, нельзя не признать, что направленность подобных действий носит политический характер, поскольку они ориентированы на власть. Однако направленность деятельности и её сущностное содержание – это не одно и то же. Для партии, скажем, направленность её предметного интереса – приход во власть. Эта цель направляет деятельность партии, придает ей осмысленность и рациональность. Но по отношению к самой деятельности партии её цель – политическая власть – выступает лишь ориентиром, внешним обстоятельством, а не имеющимся средством. Власть для непарламентской партии не является инструментом, а всего лишь желанием, мечтой, а потому не может выражать и определять характер ее деятельности. Суть деятельности, напомним Маркса, определяется не целью, которая преследуется людьми, а средством, с помощью которого эта деятельность осуществляется. Цель деятельности не может быть её критерием.

Непарламентская партия в борьбе за власть, если мы говорим о демократическом государстве, использует не власть как таковую (именно поэтому её деятельность нельзя назвать политической в строгом смысле этого слова), а иное средство – демократические процедуры и правила, установленные законом, а также демократические институты, ключевым из которых является институт выборов.

Сами по себе выборы – всего лишь процедура, и, в этом смысле, они политически нейтральны. Однако с их помощью, опираясь на мнение избирателей, выявляют круг людей, которые будут осуществлять политическую власть, и которым будут переданы специальные властные полномочия по принятию руководящих решений. Оттого такие выборы и называют политическими. Партии же, участвуя в них, осуществляют демократическую (электоральную) деятельность, совсем не тождественную политической деятельности. Собственно политической она станет в случае успеха партии, после выборов, когда ее представители будут наделены властными полномочиями и правом принимать руководящие решения, обязательные к исполнению всеми согражданами, в том числе вчерашними соперниками на выборах.

Так же дело обстоит и с гражданскими активистами, вышедшими на политический митинг. Носит ли их акция политическую направленность? Безусловно. Люди собрались, чтобы донести до властей своё коллективное мнение по той или иной злободневной общественной проблеме. Однако сама деятельность митингующих от этого политической не становится, ведь никакого властно-распорядительного ресурса у них нет. Более того, их заявления, декларации и обращения, адресованные властям, вовсе не обязательны для исполнения последними. Участвуя в митингах, уличных демонстрациях, а также в выборах или просто в публичных политических дискуссиях и обсуждениях, люди, при всей внешней ориентированности на политику, реализуют свои конституционные гражданские права на участие в жизни общества и государства, обусловленные их гражданским статусом. Заметим, что такое участие по своей природе следует называть гражданским, а деятельность, состоящей в использовании людьми своих гражданских прав, – гражданской деятельностью, но никак не политической. Здесь, как и в предыдущем примере, важно понимать, что сущностные особенности всякой деятельности определяются её внутренними характеристиками, а не просто внешней направленностью. У гражданских активистов единственное средство их деятельности – гражданские права, установленные законом, при полном отсутствии властных полномочий. А потому их деятельность никак нельзя отождествлять с политической.

Более того, не следует преувеличивать и сами возможности гражданских организаций в их «воздействии на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях»[1]. Только само государство, суверенное и неподвластное никому, в лице своих органов государственной (публичной) власти вправе определять содержание государственной политики и

[1] Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (с последующими изменениями). Ст. 2, п. 6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/71_1.html#p83 (дата обращения: 03.06.2015).

характер её изменения, а также решать, учитывать ли в этом процессе мнение общественности или нет.

Содержание государственной политики меняется по мере решения общезначимых общественных проблем или возникновения новых. Эти изменения проходят определенные стадии. Первая стадия – идентификация проблемы, когда та или иная частная (индивидуальная или отдельной социальной группы) проблема входит в оборот публичного дискурса, становится общезначимой проблемой для всего общества. Значительную роль в актуализации проблемы играют институты гражданского общества, СМИ, экспертное сообщество. Общественное обсуждение такой проблемы является своеобразным сигналом для политиков и администраторов, что такая проблема существует, что она общезначима и что для ее решения необходимо принять необходимые руководящие решения. Вторая стадия – создание программы по решению обозначенной проблемы. Это прерогатива органов государственной (публичной) власти. Законодательная и исполнительная власти занимаются формулированием и поиском решения проблемы с учетом имеющихся у государства ресурсов. Это стадия, когда маргинальная до сих пор проблема приобретает статус государственной задачи и становится структурным элементом государственной политики. Третья стадия – реализация определенной политики, при которой решение проблемы воплощается в разработке соответствующих нормативных актов, принятии управленческих решений и планов их реализации. Четвертая стадия – оценка эффективности изменения государственной политики или ее структурного элемента. Здесь создатели программы и ее исполнители оценивают весь процесс с точки зрения последствий предпринятых усилий и достижения первоначально поставленной цели. В случае негативного результата, когда заявленная цель не достигнута и, соответственно, не решена общезначимая проблема, может вновь возникнуть публичная дискуссия по обозначенной теме, и процесс (или попытка) изменения государственной политики повторится.

Институты гражданского общества могут играть активную роль лишь на первой и четвертой фазах процесса изменения государственной политики, когда идет общественная дискуссия по той или иной общезначимой теме, тогда как на второй и третьей фазах процесса их роль минимальна. Государство в лице уполномоченных органов власти, наделенных соответствующими компетенциями и ресурсами, при принятии нормативных актов и выработке управленческих решений может прислушаться к мнению общественности, а может и попросту проигнорировать его. С одной стороны, властвующий субъект заинтересован в сохранении и укреплении своей легитимности, а потому, в логике рационального управления, всякий раз при реализации своей политики должен ориентироваться на общественные интересы и мнения. С другой стороны, уровень компетентности общественного мнения имеет свои пределы, а потому стремление государства во что бы то ни стало подстроиться под общественное мнение, соответствовать ему, проводить так называемую популистскую политику в конечном итоге вредоносно для самого государства. Поэтому взаимосвязь государственной политики и состояния общественного мнения – это всегда поиск некоего оптимального баланса. В открытых обществах власть более заинтересована в учете общественных настроений и мнений, в закрытых – менее, а то и просто подавляет мнения, не совпадающие с ее (властью) взглядами на происходящее. Но в любом случае окончательное слово остается за государством, которое само выступает инициатором, разработчиком и исполнителем государственной политики в различных областях жизнедеятельности общества.

В этом смысле говорить о воздействии негосударственного субъекта (СМИ, институты гражданского общества, экспертное сообщество и пр.) на суть, содержание и изменение государственной политики можно только тогда, когда заявленная позиция данного негосударственного субъекта была учтена и поддержана органами государственной (публичной) власти и нашла свое отражение в соответствующих принятых нормативных актах, программах, руководящих решениях и планах их реализации, т.е. приобрела статус государственной задачи и стала структурным элементом государственной политики.

Таким образом, надо признать: социальная активность гражданских активистов, даже направленная на политическую сферу, не может считаться собственно политической деятельностью. Кроме того, она оказывает весьма опосредованное воздействие, да и то не во всех случаях, на содержание государственной политики и характер её изменений. Политическая деятельность и гражданская (демократи-

ческая) деятельность – это разные виды социальной активности. И хотя они могут осуществляться по одному и тому же поводу – политической власти, – их содержание раскрывается по-разному: в одном случае – это реальное использование политической власти, в другом – апелляция к ней в процессе реализации гражданских прав и свобод. Если не различать их между собой, то происходит искажение политического бытия, смешиваются понятия политики и демократии, гражданского участия и политической активности. Самой политической деятельности приписываются несвойственные ей черты и даётся необоснованно расширительное её толкование. Однако, как бы тесно ни были связаны между собой политическая деятельность и деятельность гражданская, они остаются различными видами общественных явлений и потому должны быть разделены не только в головах исследователей, изучающих общественные процессы, но также в законотворческой и, особенно, правоприменительной практике.

1. Борисенков, А.А. О критериях политической деятельности. [Текст] / А.А. Борисенков // Юридические исследования. 2013. № 4. С. 373–397.

2. Маркс, К. [Marks K.] Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала / пер. И.И. Скворцова-Степанова [Текст] / К. Маркс. М.: Политиздат, 1978. 907 с.

References

1. Borisenkov A.A. (2013) *Juridicheskie issledovanija*, no. 4, pp. 373–397 [in Rus].

2. Marks K. (1978) Kapital. Kritika politicheskoj jekonomii. T. 1. Kn. 1. Process proizvodstva kapitala / per. I.I. Skvorcova-Stepanova. Moscow, Politizdat, 907 p. [in Rus].

UDC 323.2

MARX'S CONCEPTION OF THE ESSENCE OF POLITICAL ACTIVITY

Moshkin Sergey Vyacheslavovich,
Doctor of Political Sciences, Chief Research Scientist of the Department of Philosophy of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Department of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia.
E-mail: osa-sv@yandex.ru

Annotation
The article deals with defining the essential content of political activity.
Basing on Karl Marx's methodology which showed that the character of every human activity is defined by means which are at the people's disposal for realizing this very activity rather than by its subject. The author shows that the content of political activity is defined by people's possibilities to use political power as the only possible means for such an activity. Not everybody but only a limited scope of persons endowed with special powers have such possibilities. So not every social activity in the sphere of politics is considered to be political activity.
In political researches, in the process of law-making and especially in law enforcement practice one should distinguish between political activity and civil activity. The latter, according to the author, isn't based on using power resources as it is in the case of political activity but on realization of personal liberties including civil and political liberties established by law.

Key concepts:
K. Marx,
subject and means of human activity,
political activity,
civil activity,
personal liberties.